

Вячеслав МОЛЧАНОВ

РЕЦЕПТ

Р а с с к а з

Лачи наклонилась к закутанной в куртку-переросток Бальке, отерла той рот уголком цветастого платка, крепко стянувшего Балькины пухлые чумазные щечки.

— Мама, когда есть? — спросила Балька, морщась от прикосновений мокрой колкой ткани.

— Когда деньги будут, — честно ответила Лачи. Она вновь послунывила кончик платка, наклонилась к девочке и ненароком стерла вместе с грязью никак не заживавшую коросту под нижней губой.

— Ай-я-я! — вскрикнула малышка, оттолкнула Лачину руку и захныкала.

— Дай посмотрю! Покажи мне, Балька. Покажи болячку, — настаивала Лачи, больно хватая дочку за руки. Та крепко прижала ладошки к болезненным, опухшим губкам и никак не поддавалась. Наконец Лачи силой прижала девчушку к стеклянной перегородке, отвела слабые ручонки от рта. Со слезами по Балькиному подбородку стекла капля сукровицы.

— Водки надо, — сказала Лачи, всматриваясь в гнойную ранку. — Штефан водку пьет много, к нему пойдем сегодня просить.

— К Штефану не пойду! — топнула ножкой Балька, свела грозно черные бровки. — Он тебя бить будет.

— Не будет, если деньги принесем, — ответила Лачи.

— Это водкой нельзя. Нужно мазь купить вам, мамочка.

Лачи испуганно обернулась. За ее спиной стояла высокая женщина средних лет, в очках, каракулевой шапочке с приколотой сбоку брошью и длинном темно-бордовом пальто. Будто позабыв о чем-то важном, Лачи быстро осмотрелась кругом. Больше на трамвайной остановке никого не было.

— Женщина, красавица, айда погадаю! — тут же затараторила Лачи заученные фразы. — Вижу, добрая ты, а всё проблемы одни. Это на тебя порчу навели, точно порчу!..

— Прекрати глупости говорить. На меня гипноз твой не работает. О ребенке лучше бы заботилась. Вон до чего довела, мамашка! Посмотрите-ка на нее! — завелась высокая женщина.

— А не твое дело до моего ребенка! — огрызнулась Лачи. — Мой ребенок, а не твой!

— Да плевать мне на тебя. Девочку жалко. — Женщина поправила очки и, отойдя в сторону, демонстративно повернулась спиной к оставке.

— Кушать хочется, мамочка, — сказала Балька.

Она подошла к незнакомке и легонько дернула ту за рукав:

— Тетенька! Добрая тетенька! Дайте на хлебушек!

Незнакомка обернулась, сквозь толстые линзы очков заглянула большими глазами в маленькие Балькины угольки и прослезилась.

— Ой, малютка моя, как куколка! Такая хорошая у тебя девчушка, а ты ее вон как... — Она подвела за руку девочку назад к Лачи. — Стрептодермия это. Сама не пройдет, нужно лечить. А то экзема будет хроническая.

— А я заговор знаю! Я слова знаю, которыми лечить можно, — деловито ответила Лачи. — Меня бабушка так лечила. Нужно слюной помазать, растереть и слова сказать. И через неделю пройдет, как не было ничего.

— Я тебе поплюю вот! — воскликнула женщина в очках. — Мочить нельзя, тем более грязь растирать. Ни водка, ни слюни твои, ни слова не помогут. Тут не заговор нужен, а рецепт.

— Какой рецепт? А-а! Да вы, тетенька, доктор! Узнала! Узнала! — радостно заскакала Балька. — Вы меня трубкой холодной слушали. А я не боялась!

— Доктор, доктор. — Женщина улыбнулась Бальке. — Маме твоей сейчас рецепт напишу, и пройдет ранка дней через пять.

Она поставила на заледенелую скамью сумку, достала ручку, бланк, приложила его к стеклянной перегородке и принялась писать.

— Лечение несложное. Ранку не мочить, мазью тетрациклиновой три-четыре раза в день мазать, — говорила женщина, заполняя бланк быстрым, отрывистым почерком.

Лачи вязаной цветастой варежкой незаметно черпнула из сугроба свежего, насыпавшего за ночь снега, легонько хлопнула комком женщине по боку и тут же принялась растирать.

— Ой, доктор наш! Хорошо, мы вас встретили, так бы пропала моя дочка. Дайте-ка я вас вот тут почищу! — Она старательно стряхивала с темно-бордового пальто морозную россыпь.

— Где это меня так припорошило-то?.. — задумчиво глянула за спину женщина и принялась писать дальше. — Ранку можно перед этим делом обработать. Мирамистином можно, хлоргексидином. Водкой, и тем более слюнями грязными, нельзя ни в коем случае! А слова можешь любые наговаривать, какие нравятся.

Она сунула руку в сумку, достала печать и оставила на бланке отчетливый жирный оттиск.

— Держи рецепт. Сегодня же идешь в аптеку и лечишь ребенка как следует!

Лачи взяла бумажку, сунула в карман засаленной грязно-голубой куртки.

— Ой, малютка моя! Ну куколка, а не ребенок! — сказала женщина, оглядываясь уже со ступеньки подъехавшего трамвая.

— Спасибо тебе! — крикнула Лачи.

— Спасибо, тетя доктор! — прокричала вслед уносящемуся трамваю Балька.

Лачи взяла дочку за руку, и они спустились с насыпи по заснеженным ступенькам к переходу.

— Давай, давай быстро! — сказала Лачи.

Балька вытянула из-за пазухи черный кожаный кошелек с большой блестящей застежкой. Лачи быстро достала из него деньги, скомкала и сунула в карман куртки.

— Выбрось иди. Вон туда выбрось. Как учила тебя, — приказала она девочке.

Балька повиновалась и, озираясь по сторонам, бросила кошелек в одиноко стоявшую урну.

— Красивый кошелек, мама. Жалко, — сказала она с досадой.

— купишь другой себе, какой захочешь. А этот тебе не надо — порчу жди, — строго ответила Лачи, вновь взяла дочку за руку и отвела по-дальше от остановки.

— А пирожок будем кушать с повидлой? — спросила Балька, семена маленькими серыми валенками по скользким ступеням перехода.

— Будем, будем, — ответила Лачи и тихо улыбнулась.

— А правда мама, что ты меня у наркоманов за целую тыщу купила? — не унималась Балька. — Это сколько мы сейчас таких же, как я, купить сможем?

— Кто тебе такое сказал? — грозно спросила Лачи, дернув Бальку за руку, у самого выхода.

— Штефан сказал, — ответила Балька, пугаясь Лачиногo гневного взгляда. — Он меня бить хотел, а потом передумал. Дорогая, сказал. За тыщу рублей у наркоманов купили.

— Штефан, когда водки выпьет, мелет всякое. Язык без костей, только беда от него.

Лачи открыла тяжелую дверь и, шагнув из перехода на другую сторону улицы, вытянула за собой Бальку на морозный трудовой день.